

Рекомендации для чтения художественной литературы.

Н. Павлова «Земляничка»

Цель: учить внимательно, слушать художественное произведение, отвечать на вопросы по его содержанию, воспитывать интерес к литературе.

Светит солнышко. На поляне созрела ягодка земляничка. Увидел ее комар и запищал: «Ягодка созрела: красная, душистая!» Услышала комара птичка, полетела на поляну. Хочет съесть земляничку. Услышала комара мышка, побежала на поляну. Хочет съесть земляничку. Услышала комара лягушка, поскакала на поляну. Хочет съесть земляничку. Услышала комара змея, поползла на поляну. Хочет съесть земляничку. Набежала на солнышко туча. Увидел ее комар и запищал: «Дождь пойдет: мокрый, холодный!» Услышала комара птичка – скорей на дерево. Услышала комара мышка – скорей в норку. Услышала комара лягушка – скорей под листок. Услышала комара змея – скорей под корень. А ягодка земляничка под дождем купается да радуется, что ее никто не тронул.

Вопросы: Какая ягодка созрела? Кто первым увидел ягодку? Кто услышал комара? Почему животные не съели земляничку? Куда спряталась птичка? Куда спряталась мышка? Куда спряталась лягушка? Куда спряталась змея? Почему земляничка радуется?

Словарная работа: развитие умения использовать в речи наиболее употребительные предлоги(на, под, в)

https://www.youtube.com/watch?v=NG_4oDmaGoc

Я. Сегель «Как я был обезьянкой»

Цель: эмоциональному восприятию образного содержания произведения, пониманию значения использования автором средств выразительности; придумывать небольшие рассказы по предложенному воспитателем сюжету. Активировать употребление в речи эмоционально-оценочной лексики. Развивать образность и выразительность речи

Когда я был уже не очень маленький, но еще не совсем большой, когда мне было три с половиной года, папа в один прекрасный день сказал:

— Мы идем в цирк!

Ну я, конечно, тут же запрыгал и закричал что было сил:

— Ура! Ур-ра!

Мама тоже очень обрадовалась, но кричать и прыгать не стала: взрослые почему-то это делать стесняются.

Мы все очень любили цирк — и папа, и мама, и я, но в этот прекрасный день там было особенно интересно, так как в цирке выступал папин друг, знаменитый дрессировщик зверей Анатолий Анатольевич Дуров.

И его отец, и дяди, и племянники, и другие родственники — все были дрессировщиками. Они дрессировали самых разных животных, учили их самым невероятным штукам, и звери с удовольствием выступали в цирке перед зрителями, потому что все Дуровы очень любили своих питомцев, никогда не обижали их и не наказывали.

Сделает, например, заяц все как следует (а он умел бить в барабан), Дуров тут же дает ему морковку. А все зайцы, между прочим, любят морковку больше всего на свете, морковку и капусту.

Кошке Дуров давал молочко, медведю — мед, козе — березовые веники, а мышкам-сладкоежкам — сахар.

Вот только я не знаю, что он давал лисе, чтобы она дружила с петухом, и что он давал волку, чтобы тот не обижал козу. Так до сих пор и не знаю, а спросить об этом Дурова в детстве как-то не успел.

Но самое замечательное, чему научил Дуров своих животных, — это ездить на поезде! Папа так много мне рассказывал об этом, что скоро мне даже стало казаться, что я сам, своими собственными глазами, видел этот удивительный поезд.

Все в этом поезде было точь-в-точь как в настоящем, только маленькое: впереди пыхтел настоящий, но маленький паровоз, а за ним по маленьким рельсам катились настоящие, но маленькие вагончики. На паровозе в костюме машиниста ехала обезьянка. Дуров научил ее высовываться в окошко и дергать за специальную веревочку — тогда паровоз громко гудел.

А когда поезд прибывал на станцию, Анатолий Анатольевич угощал машиниста сладкими орешками.

Только бедного слона не брали в поезд, потому что он был такой громадный, что не помещался ни в один вагон, и такой тяжелый, что мог раздавить всю железную дорогу.

Чтобы слон сильно не расстраивался, на него надели громадную красную фуражку и назначили начальником станции. Теперь, когда нужно было отправлять поезд, слон звонил в большой медный колокол, полосатый енот поднимал семафор, обезьянка-машинист давала гудок, паровоз дергал, и сразу из всех вагонных окон высовывались головы разных зверят.

А бедный слон только грустно махал своим печальным хоботом вслед поезду, тяжело вздыхал и очень жалел, что вырос такой большой и поэтому не может покататься вместе со всеми.

И вот мы идем в цирк!

Сегодня наконец я сам увижу эту замечательную железную дорогу!

Приходим к Дурову, а он сидит грустный-грустный и чуть не плачет.

— Толик, что с тобой? — говорит мой папа. — Что случилось?!

— Ах, Саша! — отвечает Дуров. — Яшенька заболел...

— Что вы! — удивилась моя мама и посмотрела на меня. — Он совершенно здоров!

— Нет, — грустно усмехнулся Дуров, — заболел не ваш сын Яша, а моя обезьянка Яшка, машинист нашего поезда.

— А что с ней? — спросила моя мама. — Может, животик?

— Не знаю, — вздохнул Дуров. — Она же не разговаривает и объяснить мне не может.

— Значит, железной дороги не будет? — спросил я.

Дуров только развел руками:

— Значит, не будет, без машиниста нам не обойтись.

— Жалко обезьянку, — сказал папа. — Ну что ж, Толик, до свидания. Передавай привет своему машинисту Яшке, пусть поправляется поскорее. А мы пойдем в зрительный зал садиться на свои места, а то скоро уже представление начнется. Мне было очень жалко обезьянку и обидно, что не увижу железной дороги.

— Ты, Яшенька, не расстраивайся, — сказала мне моя мама. — Доктор посмотрит обезьянку, даст ей лекарство, и когда она будет опять здорова, мы еще раз придем к дяде Дурову.

Мы все встали, чтобы уходить, но тут знаменитый дрессировщик вдруг посмотрел на меня как-то особенно и сказал:

— Подождите, подождите! Мне, кажется, пришла в голову одна замечательная мысль!

— И Дуров спросил меня: — Ты смелый мальчик?

Я на всякий случай прижался к маме и сказал еле слышно:

— Смелый...

— Кажется, мы спасены! — воскликнул Дуров и спросил меня: — Хочешь сегодня быть обезьянкой?.. То есть я хотел сказать — машинистом! Хочешь? А?

Я даже не знал, что сразу ответить, но мама мне помогла:

— Ну обезьянкой, наверное, нет, — сказала она, — а машинистом, наверное, да.

— Конечно, не обезьянкой! — рассмеялся Дуров. — Я только хочу просить вашего Яшеньку прокатиться в костюме нашего Яшки на нашем паровозе, вот и все. И не волнуйтесь, пожалуйста, ничего опасного. Хорошо?

— Не знаю, — сказала мама. — Надо спросить у мужчин. — И она спросила у папы и у меня: — Ну как, мальчики?

— Соглашайся, сынок! — сказал папа. — Другого такого случая в жизни не будет! Эх, был бы я сам поменьше ростом!..

В эту минуту мой папа был похож на слона, которого не брали в поезд.

— Ну, — Дуров ласково заглянул мне в глаза, — согласен?

— Хорошо, — сказал я еле слышно.

— Мы ничего не поняли, — сказала мама. — Говори, пожалуйста, громче.

— Ты же у нас смелый, — сказал папа.

И тогда я почти крикнул:

— Да!

Что тут началось!

Не успел я опомниться, как меня уже одевали в костюм машиниста, он пришелся на меня в самый раз — мы с обезьянкой Яшкой оказались одного роста.

Железнодорожную фуражку мне нахлобучили поглубже, из-под лакированного козырька торчал только кончик моего носа.

А из зрительного зала до нас долетала музыка — там, наверное, уже началось представление.

Я очень любил цирк и тут же представил себе, как на ярко освещенный манеж (манежем называется цирковая сцена) вышел седой мужчина в черном костюме — шпрыхсталмейстер — и объявил: «Первым номером нашей прогр-р-р-аммы!..» — и выпустил на манеж ловких и сильных акробатов. Они уже, наверное, ходят там сейчас по красному ковру на руках, делают разные сальто-мортале и всякие другие трюки!.. А потом там, на манеже, веселые жонглеры станут кидать и ловить сразу двадцать разноцветных шариков, а на голове у них в это время будет свистеть кипящий самовар.

Там будут кувыряться и смешно падать в опилки смешные клоуны.

Там, на манеже, будет, наверное, и еще очень много интересного, но я всего этого теперь не увижу, потому что надо помогать Дурову, ведь только я могу заменить больную обезьянку.

Пока я так думал, из меня делали машиниста: чтобы никто не мог догадаться, что вместо обезьянки на паровозе едет нормальный мальчик, мне намазали лицо специальной коричневой краской — гримом, а на руки мне мама надела свои перчатки.

И наконец дядя Толя Дуров показал мне свой паровоз. Он был зеленый, с черной трубой, с блестящими медными фонарями и медными краниками.

— Все очень просто, — сказал Дуров. — Ничего не трогай, он сам поедет, когда нужно.

— А гудок? — спросил я.

— Молодец! — похвалил Дуров. — Гудок — это самое главное! Как дернешь за эту веревку, паровоз загудит. Понял?..

Ну конечно, я все понял, и мне очень хотелось хорошенько рассмотреть этот паровоз, но кругом было так много и другого интересного, что у меня просто сразу разбежались глаза.

А через минуту я уже совсем не жалел, что не попал на представление. Оказывается, Цирковые артисты, прежде чем выйти на манеж, раз по десять проделывают все свои трюки и фокусы здесь, за кулисами.

Зрители сидят себе спокойненько на своих местах и даже не подозревают, что в это время в цирковых коридорах — за кулисами — идет напряженная работа, подготовка к представлению: запрягают цирковых лошадей в яркие, праздничные сбруи, до блеска натирают цирковые велосипеды, фокусники готовят свои удивительные чудеса, а канатоходцы проверяют канаты.

Здесь, за кулисами, я увидел даже больше, чем мог бы увидеть, сидя на своем месте в зрительном зале.

Но тут все забегали, заволновались — начиналось выступление Анатолия Анатольевича Дурова.

— Будь молодцом! — сказал он мне. — Жду тебя на манеже!

Анатолий Анатольевич широко заулыбался, потому что к зрителям он всегда появлялся только с улыбкой, и вышел от нас на освещенный манеж. И тут же мы услышали оттуда радостные аплодисменты — это зрители здоровались со своим любимым артистом.

Ой!.. Мне становилось то холодно, то жарко, ведь через минуту должен буду выехать на паровозе и я..

Мама стояла рядом и то бледнела, то краснела — она волновалась больше всех.

— Наш сын уже, кажется, пахнет обезьянкой, — пошутила мама от волнения.

— Пустяки! — Папа тоже волновался. — Вечером отмоем все запахи. Ототрем!

И тут откуда-то издалека раздался громкий голос:

— Давайте железную дорогу!

Мне стало страшно, но я не заплакал, потому что машинисты не плачут, и мы покатались по какому-то темному коридору.

Потом какой-то веселый человек крикнул:

— Ну, Яшка, не бойся! Гуди побольше, машинист! Счастливого пути!

Я дернул за веревку, паровоз загудел, и из темного коридора мы выкатились на освещенный манеж.

Играла прекрасная музыка, зрители весело смеялись и громко хлопали: они ждали, когда появится поезд с дуровскими животными.

Мой паровоз гудел, и я даже не заметил, как перестал бояться.

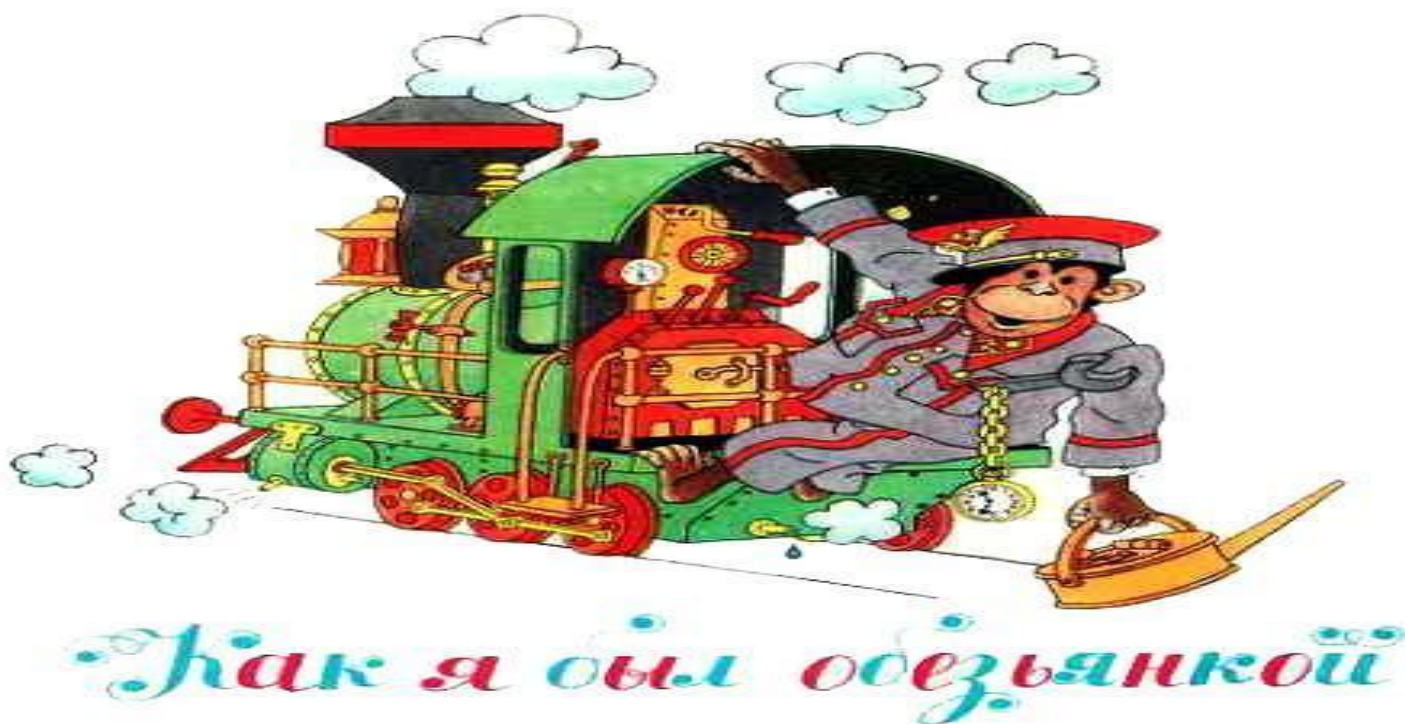
Так мы проехали целых три круга, а потом Дуров тут же, при зрителях, угощал всех пассажиров: зайцу дал морковку, кошке — молочка, мышкам — сахару, а мне — сладких орешков.

* * *

...Как давно был этот прекрасный день!

Сейчас я, наверное, уже тоже похож на слона, которого нельзя пускать в маленький поезд...

С тех пор мне никогда не попадались такие вкусные орешки.

Вопросы: Куда пошли мальчик с папой? Кто заболел? Что сделали с Яшей? Кем он стал? А сейчас он большой и похож?

<https://yandex.ru/video/preview/?filmId=11633909474722853208&from=tabbar&parent-reqid=1591243936289871-1513550792077672337300292-prestable-app-host-sas-web-yp-112&text=Я.+Сегель+«Как+я+был+обезьянкой»>

Л. Пантелеев «На море» (глава из книги «Рассказы о Белочке и Тamarочке»)

Цель: учить детей понимать образное содержание и идею сказки, передавать структуру рассказа, передавать структуру сказки с помощью моделирования, замечать и понимать образные слова и выражения.

У одной мамы было две девочки.

Одна девочка была маленькая, а другая побольше. Маленькая была беленькая, а побольше — чёрненькая. Беленькую звали Белочка, а чёрненькую — Тamarочка.

Девочки эти были очень непослушные.

Летом они жили на даче.

Вот они раз приходят и говорят:

— Мама, а мама, можно нам сходить на море — покупаться?

А мама им отвечает:

— С кем же вы пойдёте, доченьки? Я идти не могу. Я занята. Мне надо обед готовить.

— А мы, — говорят, — одни пойдём.

— Как это одни?

— Да так. Возьмёмся за руки и пойдём.

— А вы не заблудитесь?

— Нет, нет, не заблудимся, не бойся. Мы все улицы знаем.

— Ну, хорошо, идите, — говорит мама. — Но только смотрите, купаться я вам запрещаю. По воде босичком походить — это можете. В песочек поиграть — это пожалуйста. А купаться — ни-ни.

Девочки ей обещали, что купаться не будут.

Взяли они с собой лопатку, формочки и маленький кружевной зонтик и пошли на море.

А у них были очень нарядные платьица. У Белочки было платьице розовенькое с голубеньким бантиком, а у Тamarочки — наоборот — платьице было голубенькое, а бант розовый. Но зато у них у обеих были совсем одинаковые синенькие испанские шапочки с красными кисточками.

Когда они шли по улице, все останавливались и говорили:

— Вы посмотрите, какие красивые барышни идут!

А девочкам это приятно. Они ещё и зонтик над головой раскрыли: чтобы ещё красивее было.

Вот они пришли на море. Стали сначала играть в песочек. Стали колодцы копать, песочные пирожки стряпать, песочные домики строить, песочных человечков лепить... Играли они, играли — и стало им очень жарко.

Тamarочка говорит:

— Знаешь что, Белочка? Давай выкупаемся!

А Белочка говорит:

— Ну что ты! Ведь мама нам не позволила.

— Ничего, — говорит Тamarочка. — Мы потихоньку. Мама и не узнает даже.

Девочки они были очень непослушные.

Вот они быстренько разделись, сложили свою одежду под деревом и побежали в воду.

А пока они там купались, пришёл вор и украл всю их одежду. И платьица украл, и штанишки украл, и рубашки, и сандалики, и даже испанские шапочки с красными кисточками украл. Оставил он только маленький кружевной зонтик и формочки.

Зонтик ему не нужен — он ведь вор, а не барышня, а формочки он просто не заметил. Они в стороне лежали — под деревом.

А девочки и не видели ничего.

Они там купались — бегали, брызгались, плавали, ныряли...

А вор в это время тащил их бельё.

Вот девочки выскочили из воды и бегут одеваться. Прибегают и видят — ничего нет: ни платиц, ни штанишек, ни рубашек. Даже испанские шапочки с красными кисточками пропали.

Девочки думают:

«Может быть, мы не на то место пришли? Может быть, мы под другим деревом раздевались?»

Но — нет. Видят — и зонтик здесь, и формочки здесь.

Значит, они здесь раздевались, под этим деревом.

И тут они поняли, что у них одежду украли.

Сели они под деревом на песочек и стали громко рыдать.

Белочка говорит:

— Тamarочка! Милая! Зачем мы мамочку не послушались! Зачем мы купаться пошли! Как же мы с тобой теперь домой попадём?

А Тamarочка и сама не знает. Ведь у них даже трусов не осталось. Неужели им домой голыми придётся идти?

А дело уже к вечеру было. Уж холодно стало. Ветер начинал дуть.

Видят девочки — делать нечего, надо идти. Озябли девочки, посинели, дрожат.

Подумали они, посидели, поплакали и пошли домой.

А дом у них был далеко. Нужно было идти через три улицы.

Вот видят люди: идут по улице две девочки. Одна девочка маленькая, а другая — побольше. Маленькая девочка — беленькая, а побольше — чёрненькая. Беленькая зонтик несёт, а у чёрненькой в руках сетка с формочками.

И обе девочки идут совершенно голые.

И все на них смотрят, все удивляются, пальцами показывают.

— Смотрите, — говорят, — какие смешные девчонки идут!

А девочкам это неприятно. Разве приятно, когда все на тебя пальцами показывают?!

Вдруг видят — стоит на углу милиционер. Фуражка у него белая, рубашка белая и даже перчатки на руках — тоже беленькие.

Он видит — идёт толпа.

Он вынимает свисток и свистит. Тогда все останавливаются. И девочки останавливаются. И милиционер спрашивает:

— Что случилось, товарищи?

А ему отвечают:

— Вы знаете, что случилось? Голые девочки по улицам ходят.

Он говорит:

— Эт-то что такое? А?! Кто вам позволил, гражданки, голышом по улицам бегать?

А девочки так испугались, что и сказать ничего не могут. Стоят и сопят, как будто у них насморк.

Милиционер говорит:

— Вы разве не знаете, что по улицам бегать голышом нельзя? А?! Хотите я вас за это сейчас в милицию отведу? А?

А девочки ещё больше испугались и говорят:

— Нет, не хотим. Не надо, пожалуйста. Мы не виноваты. Нас обокрали.

— Кто вас обокрал?

Девочки говорят:

— Мы не знаем. Мы в море купались, а он пришёл и украл всю нашу одежду.

— Ах вот оно как! — сказал милиционер.

Потом подумал, спрятал обратно свисток и говорит:

— Вы где живёте, девочки?

Они говорят:

— Мы вот за тем углом — в зелёной дачке живём.

— Ну, вот что, — сказал милиционер. — Бегите тогда скорей на свою зелёную дачку. Наденьте на себя что-нибудь тёплое. И никогда больше голые по улицам не бегайте...

Девочки так обрадовались, что ничего не сказали и побежали домой.

А в это время их мама накрывала в саду на стол.

И вдруг она видит — бегут её девочки: Белочка и Тamarочка. И обе они — совсем голые.

Мама так испугалась, что уронила даже глубокую тарелку.

Мама говорит:

— Девочки! Что это с вами? Почему вы голые?

А Белочка ей кричит:

— Мамочка! Знаешь, — нас обокрали!!!

— Как обокрали? Кто же вас раздел?

— Мы сами разделись.

— А зачем же вы раздевались? — спрашивает мама.

А девочки и сказать ничего не могут. Стоят и сопят.

— Вы что? — говорит мама. — Вы, значит, купались?

— Да, — говорят девочки. — Немножко купались.

Мама тут рассердилась и говорит:

— Ах вы, негодницы такие! Ах вы, непослушные девчонки! Во что же я вас теперь одевать буду? Ведь у меня же все платья в стирке...

Потом говорит:

— Ну, хорошо! В наказание вы у меня теперь всю жизнь так ходить будете.

Девочки испугались и говорят:

— А если дождь?

— Ничего, — говорит мама, — у вас зонтик есть.

— А зимой?

— И зимой так ходите.

Белочка заплакала и говорит:

— Мамочка! А куда ж я платок носовой класть буду? У меня ж ни одного кармашка не осталось.

Вдруг открывается калитка и входит милиционер. И несёт какой-то беленький узелок.

Он говорит:

— Это здесь девочки живут, которые по улицам голые бегают?

Мама говорит:

— Да, да, товарищ милиционер. Вот они, эти непослушные девчонки.

Милиционер говорит:

— Тогда вот что. Тогда получайте скорей ваши вещи. Я вора поймал.

Сказка «Война грибов с ягодами», обр. В. Даля

Цель: продолжать слушать и исполнять с детьми русские народные песни, создавать атмосферу радости от общения с природой, в игровой форме закрепить знания о грибах.

Красным летом всего в лесу много — и грибов всяких и всяких ягод: земляники с черникой, и малины с ежевикой, и черной смородины. Ходят девки по лесу, ягоды собирают, песенки распевают, а гриб-боровик, под дубочком сидючи, и пыжится, дуется, из земли прет, на ягоды гневается: «Вишь, что их уродилось! Бывало и мы в чести, в почете, а ныне никто на нас и не посмотрит! Пстой же, — думает боровик, всем грибам голова, — нас, грибов, сила великая — пригнетем, задушим ее, сладкую ягоду!»

Задумал-загадал боровик войну, под дубом сидючи, на все грибы гляючи, и стал он грибы созывать, стал помочь скликать:

— Идите вы, волнушки, выступайте на войну!

Отказались волнушки:

— Мы все старые старушки, не повинны на войну.

— Идите вы, опёнки!

Отказались опёнки:

— У нас ноги больно тонки, не пойдём на войну!

— Эй вы, сморчки! — крикнул гриб-боровик. — Снаряжайтесь на войну!

Отказались сморчки; говорят:

— Мы старички, уж куда нам на войну!

Рассердился гриб, прогневался боровик, и крикнул он громким голосом:

— Грузди, вы ребята дружны, идите со мной воевать, кичливую ягоду избивать!

Откликнулись грузди с подгруздками:

— Мы грузди, братья дружны, мы идём с тобой на войну, на лесную и полевую ягоду, мы ее шапками закидаем, пятой затопчем!

Сказав это, грузди полезли дружно из земли, сухой лист над головами их вздымается, грозная рать подымается.

«Ну, быть беде», — думает зеленая травка.

А на ту пору пришла с коробом в лес тетка Варвара — широкие карманы. Увидав великую груздевую силу, ахнула, присела и ну грибы сподряд брать да в кузов класть. Набрала его полным-полнешенько, насилу до дому донесла, а дома разобрала грибки по родам да по званию: волнушки — в кадлушки, опёнки — в бочонки, сморчки — в бурачки, груздки — в кузовки, а наибольший гриб-боровик попал в вязку; его пронизали, высушили да и продали.

С той поры перестал гриб с ягодою воевать.

Вопросы: Понравилась вам сказка? О чём сказка?

Словарная работа: Кузов (кузовок) – плетеная корзинка.

Бурачки (бурак) – высокая корзинка с крышкой из березовой коры (бересты).

Чтение сказки " Три поросенка".

Цель: Познакомить детей с английской сказкой, помочь понять ее смысл и выделить слова, передающие страх поросят и страдания ошпаренного кипятком волка. Учить детей понимать эмоциональное образное содержание сказки, её идею.

Жили-были на свете три поросёнка. Три брата.

Все одинакового роста, кругленькие, розовые, с одинаковыми веселыми хвостиками.

Даже имена у них были похожи. Звали поросят: Ниф-Ниф, Нуф-Нуф и Наф-Наф.

Все лето они кувыркались в зеленой траве, грелись на солнышке, нежились в лужах.

Но вот наступила осень.

Солнце уже не так сильно припекало, серые облака тянулись над пожелтевшим лесом.

— Пора нам подумать о зиме, — сказал как-то Наф-Наф своим братьям, проснувшись рано утром. — Я весь дрожу от холода. Мы можем простудиться. Давайте построим дом и будем зимовать вместе под одной теплой крышей.

Но его братьям не хотелось браться за работу. Гораздо приятнее в последние теплые дни гулять и прыгать по лугу, чем рыть землю и таскать тяжелые камни.

— Успеется! До зимы еще далеко. Мы еще погуляем, — сказал Ниф-Ниф и перекувырнулся через голову.

— Когда нужно будет, я сам построю себе дом, — сказал Нуф-Нуф и лег в лужу.

— Я тоже, — добавил Ниф-Ниф.

— Ну, как хотите. Тогда я буду один строить себе дом, — сказал Наф-Наф. — Я не буду вас дожидаться.

С каждым днем становилось все холоднее и холоднее. Но Ниф-Ниф и Нуф-Нуф не торопились. Им и думать не хотелось о работе. Они бездельничали с утра до вечера. Они только и делали, что играли в свои пороссячи игры, прыгали и кувыркались.

— Сегодня мы еще погуляем, — говорили они, — а завтра с утра возьмемся за дело.

Но и на следующий день они говорили то же самое.

И только тогда, когда большая лужа у дороги стала по утрам покрываться тоненькой корочкой льда, ленивые братья взялись наконец за работу.

Ниф-Ниф решил, что проще и скорее всего смастерить дом из соломы. Ни с кем не посоветовавшись, он так и сделал. Уже к вечеру его хижина была готова.

Ниф-Ниф положил на крышу последнюю соломинку и, очень довольный своим домиком, весело запел:

Хоть полсвета обойдешь,
Обойдешь, обойдешь,
Лучше дома не найдешь,
Не найдешь, не найдешь!

Напевая эту песенку, он направился к Нуф-Нуфу.

Нуф-Нуф не вдалеке тоже строил себе домик. Он старался скорее покончить с этим скучным и неинтересным делом. Сначала, так же как и брат, он хотел построить себе дом из соломы. Но потом решил, что в таком доме зимой будет очень холодно. Дом будет прочнее и теплее, если его построить из веток и тонких прутьев.

Так он и сделал.

Он вбил в землю колья, переплел их прутьями, на крышу навалил сухих листьев, и к вечеру дом был готов.

Нуф-Нуф с гордостью обошел его несколько раз кругом и запел:

У меня хороший дом,
Новый дом, прочный дом,

Мне не страшен дождь и гром,
Дождь и гром, дождь и гром!

Не успел он закончить песенку, как из-за куста выбежал Ниф-Ниф.

— Ну, вот и твой дом готов! — сказал Ниф-Ниф брату. — Я говорил, что мы быстро справимся с этим делом! Теперь мы свободны и можем делать все, что нам вздумается!

— Пойдем к Наф-Нафу и посмотрим, какой он себе выстроил дом! — сказал Нуф-Нуф. — Что-то мы его давно не видели!

— Пойдем посмотрим! — согласился Ниф-Ниф.

И оба брата, очень довольные тем, что им ни о чем больше не нужно заботиться, скрылись за кустами.

Наф-Наф вот уже несколько дней был занят постройкой. Он натаскал камней, намесил глины и теперь не спеша строил себе надежный, прочный дом, в котором можно было бы укрыться от ветра, дождя и мороза.

Он сделал в доме тяжелую дубовую дверь с засовом, чтобы волк из соседнего леса не мог к нему забраться.

Ниф-Ниф и Нуф-Нуф застали брата за работой.

— Что ты строишь? — в один голос закричали удивленные Ниф-Ниф и Нуф-Нуф.

— Что это, дом для поросенка или крепость?

— Дом поросенка должен быть крепостью! — спокойно ответил им Наф-Наф, продолжая работать.

— Не собираешься ли ты с кем-нибудь воевать? — весело прохрюкал Ниф-Ниф и подмигнул Нуф-Нуфу.

И оба брата так развеселились, что их визг и хрюканье разнеслись далеко по лужайке.

А Наф-Наф как ни в чем не бывало продолжал класть каменную стену своего дома, мурлыча себе под нос песенку

Я, конечно, всех умней,
Всех умней, всех умней!

Дом я строю из камней,
Из камней, из камней!

Никакой на свете зверь,
Хитрый зверь, страшный зверь,

Не ворвется в эту дверь,
В эту дверь, в эту дверь!

— Это он про какого зверя? — спросил Ниф-Ниф у Нуф-Нуфа.

— Это ты про какого зверя? — спросил Нуф-Нуф у Наф-Нафа.

— Это я про волка! — ответил Наф-Наф и уложил еще один камень.

— Посмотрите, как он боится волка! — сказал Ниф-Ниф.

— Он боится, что его съедят! — добавил Нуф-Нуф.

И братья еще больше развеселились.

— Какие здесь могут быть волки? — сказал Ниф-Ниф.

— Никаких волков нет! Он просто трус! — добавил Нуф-Нуф.

И оба они начали приплясывать и петь:

Нам не страшен серый волк,
Серый волк, серый волк!

Где ты ходишь, глупый волк,
Старый волк, страшный волк?

Они хотели подразнить Наф-Нафа, но тот даже не обернулся.

— Пойдем, Нуф-Нуф, — сказал тогда Ниф-Ниф. — Нам тут нечего делать!

И два храбрых братца пошли гулять. По дороге они пели и плясали, а когда вошли в лес, то так расшумелись, что разбудили волка, который спал под сосной.

— Что за шум? — недовольно проворчал злой и голодный волк и поскакал к тому месту, откуда доносились визг и хрюканье двух маленьких, глупых поросят.

— Ну какие тут могут быть волки! — говорил в это время Ниф-Ниф, который волков видел только на картинках.

— Вот мы его схватим за нос, будет знать! — добавил Нуф-Нуф, который тоже никогда не видел живого волка.

И братья опять развеселились и запели:

Нам не страшен серый волк,
Серый волк, серый волк!

Где ты ходишь, глупый волк,
Старый волк, страшный волк?

И вдруг они увидели настоящего живого волка!

Он стоял за большим деревом, и у него был такой страшный вид, такие злые глаза и такая зубастая пасть, что у Ниф-Нифа и Нуф-Нуфа по спинкам пробежал холодок и тонкие хвостики мелко-мелко задрожали. Бедные поросята не могли даже пошевелинуться от страха.

Волк приготовился к прыжку, щелкнул зубами, моргнул правым глазом, но поросята вдруг опомнились и, визжа на весь лес, бросились наутек. Никогда еще не

приходилось им так быстро бегать! Сверкая пятками и поднимая тучи пыли, поросята неслись каждый к своему дому.

Ниф-Ниф первый добежал до своей соломенной хижины и едва успел захлопнуть дверь перед самым носом волка.

— Сейчас же отвори дверь! — прорычал волк. — А не то я ее выломаю!

— Нет, — прохрюкал Ниф-Ниф, — я не отпущу!

За дверью было слышно дыхание страшного зверя.

— Сейчас же отвори дверь! — прорычал опять волк. — А не то я так дуну, что весь твой дом разлетится!

Но Ниф-Ниф от страха ничего уже не мог ответить.

Тогда волк начал дуть: «Ф-ф-ф-у-у-у!».

С крыши дома слетали соломинки, стены дома тряслись.

Волк еще раз глубоко вздохнул и дунул во второй раз: «Ф-ф-ф-у-у-у!». Когда волк дунул в третий раз, дом разлетелся во все стороны, как будто на него налетел ураган. Волк щелкнул зубами перед самым пяточком маленького поросенка. Но Ниф-Ниф ловко увернулся и бросился бежать. Через минуту он был уже у двери Нуф-Нуфа.

Едва успели братья запереться, как услышали голос волка:

— Ну, теперь я съем вас обоих!

Ниф-Ниф и Нуф-Нуф испуганно поглядели друг на друга. Но волк очень устал и потому решил пойти на хитрость.

— Я передумал! — сказал он так громко, чтобы его слышали в домике. — Я не буду есть этих худосочных поросят! Я лучше пойду домой!

— Ты слышал? — спросил Ниф-Ниф у Нуф-Нуфа. — Он сказал, что не будет нас есть! Мы худосочные!

— Это очень хорошо! — сказал Нуф-Нуф и сразу перестал дрожать.

Братьям стало весело, и они запели как ни в чем не бывало:

Нам не страшен серый волк,

Серый волк, серый волк!

Где ты ходишь, глупый волк,

Старый волк, страшный волк?

А волк и не думал никуда уходить. Он просто отошел в сторонку и притаился. Ему было очень смешно. Он с трудом сдерживал себя, чтобы не расхохотаться. Как ловко он обманул двух глупых, маленьких поросят!

Когда поросята совсем успокоились, волк взял овечью шкуру и осторожно подкрался к дому. У дверей он накрылся шкурой и тихо постучал.

Ниф-Ниф и Нуф-Нуф очень испугались, когда услышали стук.

— Кто там? — спросили они, и у них снова затряслись хвостики.

— Это я-я-я — бедная маленькая овечка! — тонким, чужим голосом пропищал волк.

— Пустите меня переночевать, я отбилась от стада и очень устала!

— Пустить? — спросил брата добрый Ниф-Ниф.

— Овечку можно пустить! — согласился Нуф-Нуф. — Овечка не волк!

Но когда поросята приоткрыли дверь, они увидели не овечку, а все того же зубастого волка. Братья захлопнули дверь и изо всех сил налегли на нее, чтобы страшный зверь не смог к ним ворваться.

Волк очень рассердился. Ему не удалось перехитрить поросят! Он сбросил с себя овечью шкуру и зарычал:

— Ну, погодите же! От этого дома сейчас ничего не останется!

И он принялся дуть. Дом немного покосился. Волк дунул второй, потом третий, потом четвертый раз.

С крыши слетали листья, стены дрожали, но дом все еще стоял.

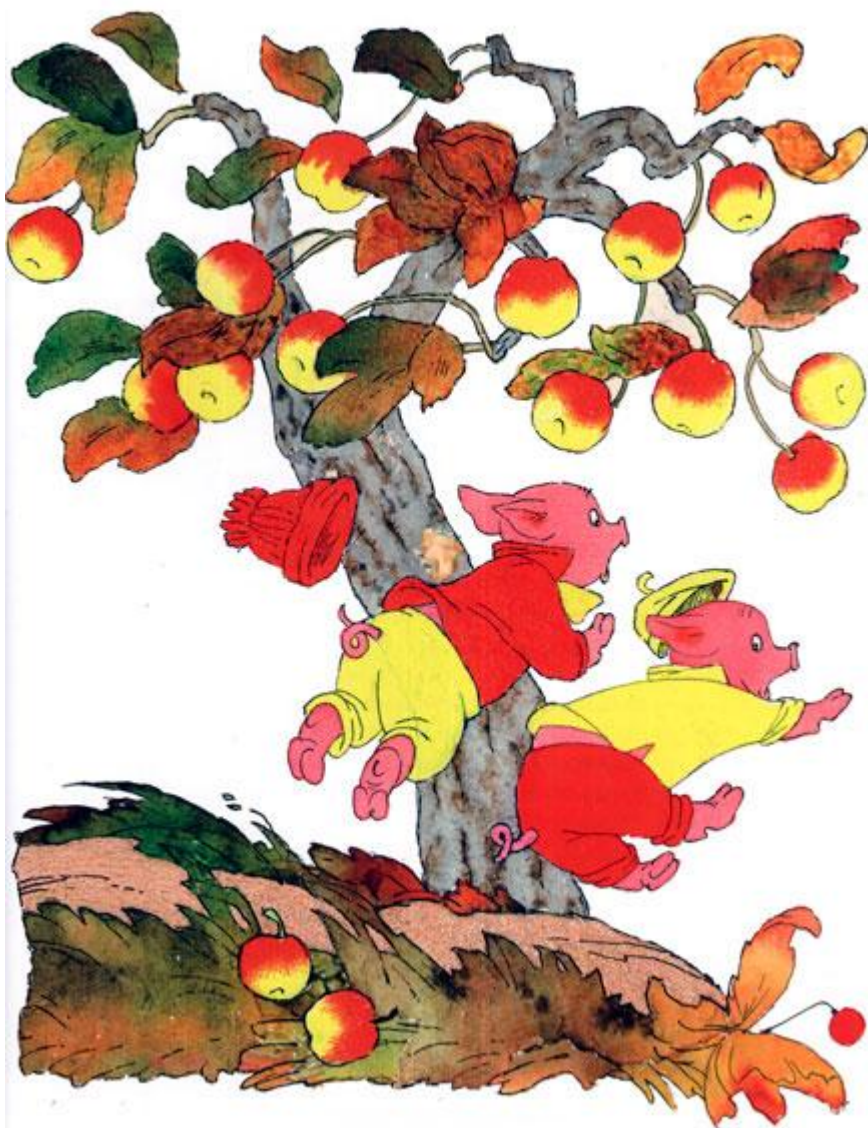
И только когда волк дунул в пятый раз, дом зашатался и развалился. Одна только дверь некоторое время еще стояла посреди развалин.

В ужасе бросились поросята бежать. От страха у них отнимались ноги, каждая щетинка дрожала, носы пересохли. Братья мчались к дому Наф-Нафа.

Волк нагонял их огромными скачками.

Один раз он чуть не схватил Ниф-Нифа за заднюю ножку, но тот вовремя отдернул ее и прибавил ходу.

Волк тоже поднажал. Он был уверен, что на этот раз поросята от него не убегут. Но ему опять не повезло.

Поросята быстро промчались мимо большой яблони, даже не задев ее. А волк не успел свернуть и налетел на яблоню, которая осыпала его яблоками.

Одно твердое яблоко ударило его между глаз. Большая шишка вскочила у волка на лбу.

А Ниф-Ниф и Нуф-Нуф ни живы ни мертвы подбежали в это время к дому Наф-Нафа.

Брат быстро впустил их в дом. Бедные поросята были так напуганы, что ничего не могли сказать. Они молча бросились под кровать и там притаились. Наф-Наф сразу догадался, что за ними гнался волк. Но ему нечего было бояться в своем каменном доме. Он быстро закрыл дверь на засов, сам сел на табуреточку и громко запел:

Никакой на свете зверь,
Хитрый зверь, страшный зверь,
Не откроет эту дверь,
Эту дверь, эту дверь!
Но тут как раз постучали в дверь.

— Кто стучит? — спокойным голосом спросил Наф-Наф.

— Открывай без разговоров! — раздался грубый голос волка.

— Как бы не так! И не подумаю! — твердым голосом ответил Наф-Наф.

— Ах так! Ну, держитесь! Теперь я съем всех троих!

— Попробуй! — ответил из-за двери Наф-Наф, даже не привстав со своей табуреточки. Он знал, что ему и братьям нечего бояться в прочном каменном доме. Тогда волк втянул в себя побольше воздуха и дунул, как только мог! Но, сколько бы он ни дул, ни один даже самый маленький камень не сдвинулся с места.

Волк посинел от натуги.

Дом стоял как крепость. Тогда волк стал трясти дверь. Но дверь тоже не поддавалась. Волк стал от злости царапать когтями стены дома и грызть камни, из которых они были сложены, но он только обломал себе когти и испортил зубы. Голодному и злому волку ничего не оставалось делать, как убраться восвояси.

Но тут он поднял голову и вдруг заметил большую, широкую трубу на крыше.

— Ага! Вот через эту трубу я и проберусь в дом! — обрадовался волк.

Он осторожно влез на крышу и прислушался. В доме было тихо.

«Я все-таки закушу сегодня свежей поросятинкой», — подумал волк и, облизнувшись, полез в трубу.

Но, как только он стал спускаться по трубе, поросята услышали шорох.

А когда на крышку котла стала сыпаться сажа, умный Наф-Наф сразу догадался, в чем дело.

Он быстро бросился к котлу, в котором на огне кипела вода, и сорвал с него крышку.

— Милости просим! — сказал Наф-Наф и подмигнул своим братьям.

Ниф-Ниф и Нуф-Нуф уже совсем успокоились и, счастливо улыбаясь, смотрели на своего умного и храброго брата.

Поросятам не пришлось долго ждать. Черный, как трубочист, волк бултыхнулся прямо в кипяток.

Никогда еще ему не было так больно!

Глаза у него вылезли на лоб, вся шерсть поднялась дыбом.

С диким ревом ошпаренный волк вылетел в трубу обратно на крышу, скатился по ней на землю, перекувырнулся четыре раза через голову, проехался на своем хвосте мимо запертой двери и бросился в лес.

А три брата, три маленьких поросенка, глядели ему вслед и радовались, что они так ловко проучили злого разбойника.

А потом они запели свою веселую песенку:
Хоть полсвета обойдешь,
Обойдешь, обойдешь,
Лучше дома не найдешь,

Не найдешь, не найдешь!
Никакой на свете зверь,
Хитрый зверь, страшный зверь,
Не откроет эту дверь,
Эту дверь, эту дверь!
Волк из леса никогда,
Никогда, никогда,
Не вернется к нам сюда,
К нам сюда, к нам сюда!
С этих пор братья стали жить вместе, под одной крышей.
Вот и все, что мы знаем про трех маленьких поросят — Ниф-Нифа, Нуф-Нуфа и Наф-Нафа.

<https://yandex.ru/video/preview/?filmId=12729891428249464518&text=мультфильм+%22+Три+поросята%22>

Вопросы: Что сказочного в этой истории, почему мы говорим, что это сказка? Чем похожи братцы? Какие они (носик как..., хвостик как...)? Чем отличается Наф-наф от своих братьев? Как вы это поняли? Как трудились Ниф-ниф и Нуф-нуф? Как об этом можно сказать? Можно ещё сказать что они работали спустя рукава, то есть совсем не старались? Как трудился Наф-наф? В поте лица.
Словарная работа: сравнение к заданному слову; подводить детей к пониманию значения фразеологизмов, пословиц.